

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1813](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1813)

Э. Э. Сыманюк, И. Г. Полякова, Ю. В. Мокерова

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ МЕГАПОЛИСА К РЕПРОДУКТИВНОМУ ДОНОРСТВУ (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА)

Правильная ссылка на статью:

Сыманюк Э. Э., Полякова И. Г., Мокерова Ю. В. Отношение жителей мегаполиса к репродуктивному донорству (на примере Екатеринбурга) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 73—94. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1813>.

For citation:

Symaniuk E. E., Polyakova I. G., Mokerova J. V. (2021) The Attitude of the Megalopolis Inhabitants Towards Reproductive Donation (on the Example of Ekaterinburg). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 73–94. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1813>. (In Russ.)

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ МЕГАПОЛИСА К РЕПРОДУКТИВНОМУ ДОНОРСТВУ (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА)

СЫМАНЮК Эльвира Эвальдовна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и социальной психологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

*E-MAIL: e.e.symaniuk@urfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7591-7230>*

ПОЛЯКОВА Ирина Геннадьевна — научный сотрудник Уральского межрегионального института общественных наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
*E-MAIL: irinapolykova@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9619-2152>*

МОКЕРОВА Юлия Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
*E-MAIL: julia.mokerova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0963-9906>*

Аннотация. В статье представлены результаты опроса населения, проведенного в Екатеринбурге в 2019 г. (выборка составила 1300 респондентов). Цель исследования — определить степень информированности жителей Екатеринбурга о репродуктивном донорстве и их отношении к разным видам репродуктивного донорства в целом и в связи со спецификой репродуктивного материала. Полученные данные анализируются с помощью теории стиг-

THE ATTITUDE OF THE MEGALOPOLIS INHABITANTS TOWARDS REPRODUC- TIVE DONATION (ON THE EXAMPLE OF EKATERINBURG)

Elvira E. SYMANIUK¹ — Dr. Sci. (Psych.), Professor, Head of the Department of General and Social Psychology
*E-MAIL: e.e.symaniuk@urfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7591-7230>*

Irina G. POLYAKOVA¹ — Researcher at the Interregional Institute of Social Sciences
*E-MAIL: irinapolykova@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9619-2152>*

Julia V. MOKEROVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Applied Sociology
*E-MAIL: julia.mokerova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0963-9906>*

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Abstract. The paper presents the findings of a population survey conducted in the city of Ekaterinburg in 2019 (1300 respondents). The study aimed at measuring the citizens' awareness about reproductive donation and their attitudes to different types of reproductive donation in general and in connection with the specificity of reproductive material. The data were analyzed in the context of Goffman's concept of social stigma and the results of similar works by other au-

матизации Гофмана и результатов аналогичных работ зарубежных авторов. Большинство опрошенных осведомлены о существовании репродуктивного донорства и относятся к нему положительно. Уровень осведомленности, как и уровень положительного отношения, зависит от специфики репродуктивного материала. Наиболее известной и принимаемой респондентами технологией является донорство спермы, наиболее спорной — эмбриональное донорство. Более половины опрошенных (52 %) считают эмбрион человеком, и 47 % относятся отрицательно к донорству эмбрионов. Восприятие статуса эмбриона коррелирует с полом, наличием семьи и религиозными взглядами. Большинство респондентов утверждают, что сами не готовы стать донорами генетического материала, а главным мотивом тех, кто становится репродуктивным донором, считают финансовый интерес. Наблюдается разрыв между общими нормами отношения к донорству, поддерживаемыми абстрактно, и ситуациями личной вовлеченности в проблематику репродуктивного донорства. В последнем случае отношение респондентов к репродуктивному донорству становится гораздо более положительным. Очевидно, что вовлечение в родительский проект третьих лиц этически и психологически неоднозначно и вместе с позицией возможных реципиентов требует дальнейшего изучения. Поскольку Екатеринбург, с одной стороны, демонстрирует тренды, присущие столичным городам, а с другой — обладает явной региональной спецификой, полученные данные могут отражать современное отношение к репродуктивному донорству населения крупных городов России.

thors. The majority of the respondents are aware of reproductive donation and have a positive attitude towards it. The level of awareness, as well as the prevalence of positive attitudes, depends on the specificity of the reproductive material. The most well-known and accepted technology is sperm donation, while the most controversial is embryonic donation. More than half of the respondents (52%) consider the embryo a human being, and 47% have a negative attitude towards embryo donation. Perceptions of embryo status are correlated with gender, family history, and religious beliefs. Most of the respondents say that they themselves are not ready to become donors of genetic material, and the main motive of those who become a reproductive donor is financial interest. The study reveals a clear gap between the general attitudes towards donation, when it is perceived in abstract, and situations of personal relatedness to the field of reproductive donation. In the latter case, the attitude towards reproductive donation becomes much more positive. The results of the study strongly suggest that the involvement of third parties in the parenting process is ethically and psychologically ambiguous, and it requires further study together with the position of the involved parties. Since Ekaterinburg, on the one hand, demonstrates trends inherent in capital cities, and on the other, has a clear regional specificity, this data may reflect the current attitude of the population of all large Russian cities towards reproductive donation.

Ключевые слова: бесплодие, вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), репродуктивное донорство, донорство гамет и эмбрионов, отношение к репродуктивному донорству

Keywords: infertility, assisted reproductive technologies (ART), reproductive donation, donation of gametes and embryos, perceptions of reproductive donation

В последние годы проблема бесплодия становится все более актуальной. По версии ВОЗ, бесплодны 15%—20% пар репродуктивного возраста, но достоверные данные в этой области отсутствуют как в мире, так и в России в связи со сложностью проведения исследований. Кроме того, при подсчетах учитываются только те, кто обратился за лечением, а по мнению ряда авторов [Boivin et al., 2007], в медицинские учреждения обращаются не более половины получивших диагноз «бесплодие».

Во многих случаях бесплодие обусловлено отсутствием своего качественного репродуктивного материала у пар, желающих стать родителями. Потребность в донорском материале возникает также при наличии у одного из супругов риска передачи наследственных заболеваний, позднего репродуктивного возраста, либо в случаях однополых союзов и отсутствия партнера. Особенно актуальным в этой связи становится донорство гамет.

На основании отчета регистра вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) Российской ассоциации репродукции человека (РАРЧ) в 2015—2017 гг. порядка 12% от общего количества циклов ВРТ было проведено с использованием донорского материала (данные за 2018—2019 гг. пока не опубликованы). По данным когортного популяционного исследования, проведенного австралийскими коллегами в период с 2009 по 2016 г., вероятность рождения живого ребенка у женщин после 40 лет путем ЭКО с донорским ооцитом в пять раз выше, чем с собственной яйцеклеткой, а после 44 лет эта вероятность еще больше увеличивается [Hogan et al., 2020]. Тем не менее применение донорского материала в репродукции человека остается одной из самых спорных репродуктивных технологий [Beeson, Darnovsky, Lippman, 2015]. Как и многие аспекты исследований в науках о жизни (например, исследования и использование стволовых клеток, исследования генома человека и манипуляция генами) использование репродуктивных технологий затрагивает основы миропонимания и самопонимания человека, поэтому вызывает неприятие и враждебность со стороны разного рода традиционалистов [Forman-Rabinovic, Sommer, 2018; Mathieu, 2020], а также большое количество споров о юридической субъектности, правах, равенстве и других политико-правовых проблемах [Inhorn, 2020; Ferraretti et al., 2010; Merchant, 2020]. Таким образом, отношение общества к репродуктивному донорству требует, на наш взгляд, более детального изучения.

В настоящее время в России отсутствуют конвенциональное определение и кодификация термина «репродуктивное донорство». С одной стороны, термин как устойчивое сочетание слов повсеместно употребляется в речи. С другой стороны, нет четкого представления о том, что он в себя включает. В официальных мате-

риалах Министерства здравоохранения¹ используются понятия «донорство гамет», «донорство эмбрионов» и «суррогатное материнство». В зарубежной литературе термин «репродуктивное донорство» включает в себя получение яйцеклеток, спермы и эмбрионов от третьих лиц, а иногда и вынашивание плода третьим лицом (суррогатное материнство) [Richards, Pennings, Appleby, 2012]. В данной работе к репродуктивному донорству предлагается отнести донорство спермы, ооцитов (женских половых клеток) и эмбрионов.

Для России репродуктивное донорство — относительно новое и малоизученное явление. Практически всегда как донор, так и реципиент оказываются в непростой этической ситуации, связанной с неоднозначным отношением общества к репродуктивному донорству, особенностями законодательства, несовершенством социальных институтов, психологическими проблемами, а также страхом за будущее детей, рожденных от донорского материала.

В разное время в России было проведено несколько масштабных исследований общественного мнения по поводу вспомогательных репродуктивных технологий². Ни один из этих опросов не содержит подробного описания отношения населения к репродуктивному донорству.

В постсоветских научных источниках данный вопрос практически не освещался. Есть несколько близких по тематике работ [Дадаева, Баранова, 2019; Коржавина и др., 2010; Курило и др., 2001] с небольшой выборкой от 140 до 167 респондентов.

С этой точки зрения интересно исследование, проведенное А. Н. Комогорцевым и А. Е. Ошибаевой, которые поставили цель изучить отношение потенциальных доноров к процедуре донорства мужских половых клеток. Было опрошено 120 мужчин репродуктивного возраста, проживающих в Алма-Ате, которые могли бы теоретически стать донорами [Комогорцев, Ошибаева, 2015].

Что касается зарубежных исследований, то существуют массовые опросы, включающие в себя социально-психологические характеристики, проблемы, способы донации и опыт самих доноров спермы (см., например, [Freeman et al., 2016; Lavoie, Côté, Montigny, 2018; Ernst et al., 2007]) и ооцитов [Pennings et al., 2014].

Нам удалось найти только два зарубежных опроса населения, в которых речь идет в том числе и об отношении к репродуктивному донорству. Самым масштабным из них является опрос более 6 тысяч человек из 6 европейских стран (Великобритания, Германия, Италия, Испания, Франция, Швеция), проведенный международным коллективом авторов [Fauser et al., 2019]. Также вызывает интерес работа шведских коллег [Skoog-Svanberg et al., 2003], в которой подробно

¹ Клинические рекомендации Минздрава России «Женское бесплодие (современные подходы к диагностике и лечению)» (письмо Министерства здравоохранения Российской Федерации от 05 марта 2019 года № 5-4/и/2-1913) и «Вспомогательные репродуктивные технологии и искусственная инсеминация», 2019 (письмо Министерства здравоохранения Российской Федерации от 05 марта 2019 года № 15-4/и/2-1908. URL: <https://minzdrav.samregion.ru/category/inye-dokumenty/klinicheskie-rekomendatsii/> (дата обращения: 24.04.2021).

² См. Соболевская О. В. Почему россияне боятся медицины будущего // IQ. HSE.ru 2016. 26 мая. URL: <https://iq.hse.ru/news/182808665.html> (дата обращения: 11.04.2021); Соболевская О. В. «Дети из пробирики»: чего боятся россияне // IQ. HSE.ru 2017. 16 мая. URL: <https://iq.hse.ru/news/205997613.html> (дата обращения: 11.04.2021); ЭКО — это нормально! // ВЦИОМ. 2018. 26 июля. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9224> (дата обращения: 11.04.2021).

описано отношение к ВРТ населения Швеции (1000 мужчин и 1000 женщин фертильного возраста).

Цель настоящего исследования — определить степень информированности жителей города Екатеринбурга о репродуктивном донорстве и их отношение к разным видам репродуктивного донорства в целом и в связи со спецификой репродуктивного материала.

Исследовательские задачи:

1. Определить уровень осведомленности жителей Екатеринбурга о существовании репродуктивного донорства.
2. Выяснить личную готовность респондентов к разным видам репродуктивного донорства.
3. Определить вероятные мотивы репродуктивных доноров.
4. Определить отношение участников опроса к репродуктивному донорству в связи со спецификой репродуктивного материала, в том числе отношение к эмбриональному донорству и продаже/покупке эмбрионов за деньги.

Методология

Для реализации поставленных задач была использована комбинированная методическая стратегия. Исследование такой деликатной темы, как отношение к донорству в области репродукции, с одной стороны, требует анализа существующих установок, представлений, оценок, стереотипов и «мифов» в сознании широких слоев общества. С другой стороны, вопросы реализации различных стратегий репродуктивного поведения представляются достаточно чувствительными, многосоставными, когда за однозначной оценкой или мнением может формироваться несколько проблемных уровней, которые вскрываются только в индивидуальной, более доверительной, чем анкетный опрос, беседе.

Эмпирическую базу исследования составили материалы массового опроса населения Екатеринбурга в возрасте 18—55 лет, а также глубинные интервью с мужчинами и женщинами репродуктивного возраста.

В августе 2019 г. был проведен опрос жителей Екатеринбурга, метод сбора — уличный опрос, личное стандартизованное интервью. Предварительно для конкретизации проблемного поля были проведены несколько полуструктурированных интервью, возраст респондентов не был регламентирован по верхней границе. Ограничения по возрасту для основного этапа исследования были запланированы с учетом ключевого исследовательского вопроса и полученных в ходе пилотного этапа данных. По медицинским нормативам официально донорами половых клеток могут быть люди в возрасте от 18 до 35 лет. Люди старше 55 лет, как показали предварительные данные, безусловно, также имеют свое мнение по данному вопросу, но их информированность и «причастность» оказывались ниже, в первую очередь по причине относительной новизны и доступности данного вопроса для широкой общественности.

Выборка составила 1300 респондентов. Отбор осуществлялся в два этапа. На первом этапе был произведен случайный вероятностный отбор точек проведения опроса, чтобы обеспечить участие жителей, проживающих в разных районах, с разными типами деловой активности. На втором этапе — систематический

случайный отбор респондентов с контролем квотных параметров (пол и возраст). Погрешность измерения составила менее 3%. Среди опрошенных респондентов 52,4% составили женщины и 47,6% — мужчины. Распределение по возрастным группам представлено в таблице 1.

Таблица 1. **Распределение респондентов по полу и возрасту, % от числа опрошенных**

Пол/Возраст	18—24	25—34	35—44	45—55	ИТОГО
Мужчины	11,6	18,0	12,5	5,5	47,6
Женщины	12,5	17,5	14,9	7,5	52,4
ИТОГО	24,1	35,5	27,4	13,0	100,0

Такой подход позволил обеспечить получение статистически обоснованных выводов о распространенности тех или иных представлений о репродуктивном донорстве как части современных репродуктивных стратегий населения среди жителей мегаполиса (на примере Екатеринбурга).

На пилотном этапе в интервью участвовали 11 человек: 6 женщин и 5 мужчин. Все информанты были условно разделены на две возрастные группы: с одной стороны, к участию в исследовании приглашались мужчины и женщины в возрасте 18—35 лет, те, кто сам может быть официальным донором; в другой группе были люди старше 35 лет. Внутри каждой из двух возрастных групп были те, кто использовал (предполагал использовать) ВРТ для зачатия и деторождения сам или был знаком с подобным опытом близких родственников, друзей, а также те, кто с такой практикой не сталкивался вообще. Такой подход позволил выделить особенные характеристики, представления и поведенческие практики тех, для кого «новые технологии» репродуктивного поведения являются частью личного опыта, обогащенного не только особыми суждениями, но и эмоциональными переживаниями, и тех, кто в своих представлениях опирается на «внешние» оценки.

Для проведения интервью был разработан план-гайд беседы, в котором были определены основные содержательные блоки, ключевые тематические вопросы, а также вопросы, предполагающие развернутый ответ с биографическими деталями или углубленное раскрытие отдельных аспектов, касающихся предмета исследования. Интервью записывались на диктофон по предварительному полному согласию информантов, затем эти тексты, уже анонимные, проходили дословную расшифровку. В итоге в исследовании приняли участие люди разного возраста, пола и с разным опытом «контакта» с проблемой ВРТ в вопросах зачатия и деторождения. Добавим, что комментарии были получены от людей с разным культурным, профессиональным, образовательным бэкграундом.

Среди опрошенных шесть человек имели высшее образование, четыре — среднее, один человек являлся студентом. По роду занятий шестеро — специалисты (менеджер по продаже пива, дальнобойщик, бухгалтер, няня, программист, юрист), два — руководители среднего звена, еще два имеют свое дело. Среди опрошенных

были представители разных конфессий (а также те, кто считает себя атеистом), разных национальностей и этнических групп (русские, армянка, узбек, поляк).

Одна информантка год назад находилась в протоколе ЭКО, который закончился прерыванием беременности. Именно она, единственная из всех опрошенных женщин, была готова рассмотреть возможность стать донором ооцитов в случае резкого ухудшения финансового положения ее семьи. В то же время она категорически отказалась бы расстаться с эмбрионами, оплодотворенными спермой мужа, считая их детьми. Среди мужчин также один человек имел опыт ВРТ: в первом браке путем ЭКО у него родились близнецы. Надо отметить, что все респонденты так или иначе были осведомлены о существовании репродуктивного донорства. Теоретически все мужчины независимо от возраста исходно были готовы рассмотреть возможность донорства спермы. Однако в процессе беседы трое из них нашли множество причин, по которым не стали бы этого делать. Двое оставшихся, в том числе мужчина, имевший личный опыт ВРТ, не исключали для себя возможность стать донорами спермы. Самым обсуждаемым во всех проведенных интервью стал вопрос донорства эмбрионов и продажи их за деньги.

На основании данных, полученных на пилотном этапе, были составлены вопросы анкеты для массового опроса.

Результаты исследования

Достаточно высокий процент опрошенных знает, что люди, страдающие бесплодием, могут приобрести сперму, ооциты и эмбрионы в репродуктивных клиниках. Но есть различия в осведомленности о существовании репродуктивного донорства в зависимости от репродуктивного материала. Существенную роль в вопросах осведомленности респондентов играют возраст и пол опрошенных.

Из таблицы 2 можно сделать вывод, что чем старше респондент, тем выше уровень его осведомленности, при этом стоит отметить, что относительно использования донорских эмбрионов данная тенденция хотя и присутствует, но в незначительной степени.

Таблица 2. Осведомленность респондентов о существовании различных видов репродуктивного донорства в зависимости от возраста, % от числа опрошенных

Виды репродуктивного донорства	Возраст				По массиву в целом
	18—24	25—34	35—44	45—50	
Использование донорской спермы	76,7	76,6	81,0	84,0	78,8
Использование донорских ооцитов	31,0	27,1	40,3	43,8	33,8
Использование донорских эмбрионов	46,0	42,6	52,1	50,3	47,0

В таблице 3 представлено различие в осведомленности мужчин и женщин по каждому виду репродуктивного донорства. Обратим внимание, что мужчины в целом менее погружены в эту проблематику.

Таблица 3. Уровень осведомленности о видах репродуктивного донорства в зависимости от пола, % от числа опрошенных

Виды репродуктивного донорства	Мужчины	Женщины	Различие в знаниях мужчин и женщин
Использование донорской спермы	75,3	82,0	6,7
Использование донорских ооцитов	27,3	39,7	12,4
Использование донорских эмбрионов	37,0	56,2	19,2

Знание о существовании того или иного вида репродуктивного донорства, с одной стороны, оказывает определенное влияние на отношение к использованию данной технологии; с другой стороны, нельзя сказать, что оно сказывается на уровне ее поддержки.

Например, среди тех, кто знал об использовании донорских эмбрионов до участия в опросе, выше доля тех, кто положительно относится к продаже эмбрионов. Однако доля респондентов, категорично отрицающих такую продажу, среди знающих о существовании этой технологии достаточно высокая (22%), что не многим меньше, чем у тех, кто до опроса о ней не знал (30%). И, напротив, люди, незнакомые с сутью технологии, могут ее поддерживать (39%), видимо, исходя из идеи поддержки всех вариантов репродуктивного донорства (см. табл. 4).

Таблица 4. Отношение к продаже эмбрионов в зависимости от знания о существовании данной технологии, % от числа опрошенных

Отношение к продаже эмбрионов за деньги	Знание о технологии использования донорских эмбрионов	
	Неизвестна	Известна
Полностью одобряют, так как на свет появится новая жизнь	10,2	10,9
Скорее, относятся положительно, поскольку это поможет кому-то стать родителями	28,4	39,1
<i>Итого доля относящихся положительно</i>	38,6	50,0
Скорее, относятся отрицательно, так как с этой темой связано слишком много нерешенных вопросов, пробелов	22,6	19,8
Относятся резко отрицательно, ведь, по сути, речь идет о продаже детей	30,2	22,1
<i>Итого доля относящихся отрицательно</i>	52,8	41,9
Другое	0,6	0,2
Оценивают нейтрально, не придают этой теме особого значения	2,2	2,3
Затруднились ответить	5,8	5,9

Большинство опрошенных относятся к донорству положительно, но есть небольшие различия в оценке донорства спермы, ооцитов и эмбрионов. Наиболее однозначно респонденты относятся к донорству спермы: с оценками затруднились

17 % опрошенных, 75 % одобряют этот вид донорства (индекс 0,40). Наименее однозначное отношение — к донорству эмбрионов: с оценкой затруднились четверть опрошенных, а положительно оценили 59 % (индекс 0,24). Сравнение представлено на рисунке 1.

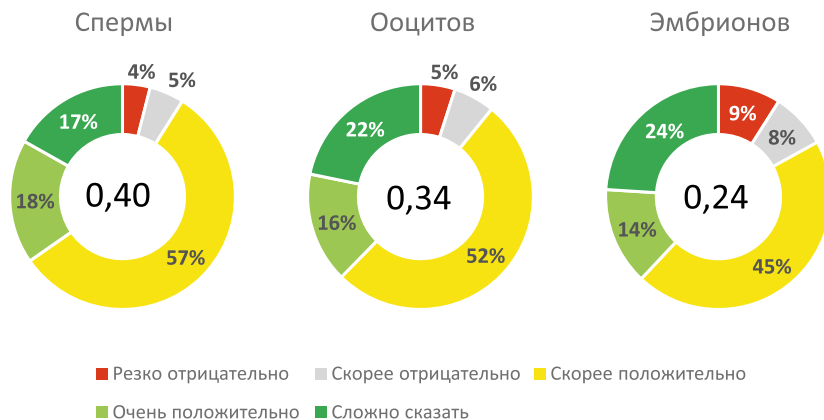

Рис. 1. Отношение к различным видам репродуктивного донорства, в % от числа опрошенных и индексных значениях

Опыт репродуктивного донорства отмечается у незначительного количества опрошенных: доноры спермы составляют 1 % совокупности, доноры ооцитов — 0,3 %, доноры эмбрионов — 0,2 % респондентов. Среди друзей и знакомых опрошенных доноров также немного: о донорах спермы в окружении известно 4 % опрошенных, донорах ооцитов — 2 %, донорах эмбрионов — 0,7 % респондентов

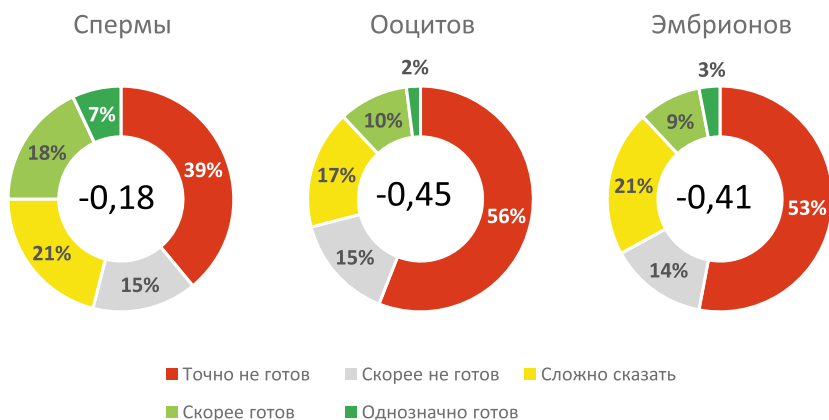

Рис. 2. Готовность к различным видам репродуктивного донорства, в % от числа опрошенных и индексных значениях

Большинство респондентов не готовы стать донорами (см. рис. 2). Мужчины в меньшей степени отвергают возможность стать донорами спермы, чем жен-

щины — донорами ооцитов (50% и 72% респондентов в каждой группе соответственно с той или иной степенью вероятности отметили свой отказ от донорства половых клеток). Что касается донорства эмбрионов, то и в этом случае женщины скорее склонны к отрицательному решению, чем мужчины — практически 60% ответивших женщин точно не готовы к такому решению, в то время как среди мужчин полностью отрицают такую возможность только 43,9%.

Тем не менее, когда женщинам репродуктивного возраста был задан вопрос о том, позволит ли их состояние здоровья в случае необходимости стать донором ооцитов, 73% ответили положительно, и только 23% усомнились в своих возможностях, 4% — затруднились с ответом.

Желание помочь близким, родственникам и друзьям стать родителями является основной причиной, по которой женщина могла бы решиться на донорство (41%). Желание заработать, которое большинство опрошенных считают основной причиной для донорства, мотивировало бы участниц опроса только в 18% случаев — при острой нехватке средств.

В основном причина для донорства — желание помочь как знакомым, так и незнакомым людям, которые не могут завести детей. Необходимо отметить, что в таких случаях респонденту легче назвать социально одобряемую причину (см. рис. 3).

Рис. 3. Причины, по которым женщины могли бы стать донорами ооцитов, в % от числа опрошенных³

Мы оценили готовность респондентов к донорству другим способом: попросили предположить, что они сделали бы с эмбрионами, которые сохранились в банке после удачного зачатия и стали им не нужны. В данной ситуации большинство

³ Можно было выбрать до трех вариантов ответов.

опрошенных не считают проблематичной передачу своих эмбрионов другим людям (см. рис. 4.).

Рис. 4. Вероятные действия в случае наличия собственного свободного эмбриона, в % от числа опрошенных

Респонденты следующим образом характеризуют причины, по которым люди, по их мнению, становятся донорами (см. рис. 5).

Рис. 5. Вероятные причины, по которым люди становятся репродуктивными донорами, в % от числа опрошенных

Наиболее значимый аргумент для донорства — вероятный заработок. На втором месте — помощь тем, кто не может родить ребенка. Остальные причины, по мнению опрошенных, менее актуальны.

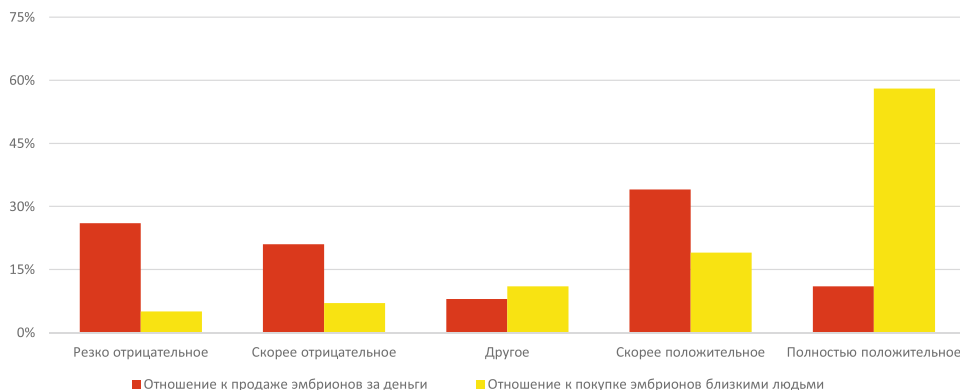

Рис. 6. Отношение к продаже эмбрионов за деньги в сравнении с отношением к факту приобретения донорского эмбриона родственниками/друзьями, в % от числа опрошенных

47 % опрошенных относятся к донорству эмбрионов отрицательно. Но в ситуации, когда близкие люди приобретают эмбрион для решения репродуктивных проблем, их мнение уже не будет таким однозначным (см. рис. 6). Среди тех, кто скорее отрицательно относится к продаже эмбрионов, 40 % отнесутся положительно к решению близких людей купить эмбрионы; среди тех, чье мнение резко отрицательно, 30 % готовы поддержать близких (см. табл. 5).

Таблица 5. Отношение респондентов к покупке эмбрионов близкими людьми в зависимости от их общего отношения к продаже эмбрионов, в % от числа ответивших по строке*

	Полностью положительно, поддержали их решение	Скорее отрицательно, но никак не высказали своего мнения	Скорее отрицательно и попытались переубедить	Полностью не одобрили и не приняли бы такое решение	Другое	Безразлично, никак	Затрудняется с ответом
Полностью одобряют, т.к. на свет появится новая жизнь	89,8	3,6	1,5	1,5	0,0	2,2	1,5
Скорее положительно, поскольку это поможет кому-то стать родителями	83,4	9,0	1,4	0,9	0,2	3,4	1,6
Скорее отрицательно, слишком много нерешенных вопросов, пробелов	39,4	39,0	6,1	5,1	0,7	2,9	6,9
Резко отрицательно, ведь, по сути, речь идет о продаже детей	29,8	25,7	18,4	14,0	0,6	2,6	8,8
Все равно, никак	58,6	3,4	3,4	0,0	0,0	31,0	3,4
Затрудняются с ответом	51,3	9,2	1,3	1,3	0,0	6,6	30,3
Всего	58,2	19,1	6,9	5,3	0,4	3,8	6,3

* Вероятность нулевой гипотезы 0 %. Коэффициент Гамма 0,531. Связь между признаками сильная, прямо пропорциональная (чем лучше отношение, тем больше поддержка близких).

Точку зрения, что эмбрион — это уже человек, разделяют 52 % опрошенных. 40 % считают, что эмбрион — это не человек, а совокупность клеток; 10 % затрудняются с ответом на этот вопрос. Высказанные мнения зависят от ряда признаков. Так, женщины чаще мужчин разделяют мнение, что эмбрион — это человек (62 % женщин против 41 % мужчин)⁴. Люди, состоящие в браке, несколько чаще разделяют эту точку зрения: 59 % против 52 % в целом по массиву⁵. Среди опрошенных, имеющих детей, уровень поддержки этой точки зрения увеличивается до 61 %—62 % соответственно⁶.

Среди верующих доля сторонников точки зрения, что эмбрион — это человек, выше, чем среди атеистов. Верующие, принадлежащие к той ли иной конфессии, разделяют эту позицию в 60 % случаев. Больше всего сторонников мнения об антропоморфности эмбриона среди представителей ислама — 75 %. Те, кто верит в некие «высшие силы», разделяют эту позицию в 51 % случаев, тогда как среди атеистов ее поддерживают 37 % опрошенных⁷. Отметим, что, в отличие от веры в Бога, уровень образования не влияет на восприятие эмбриона человеком.

Обсуждение результатов

Несмотря на то, что существует достаточное количество литературы о донорстве гамет и эмбрионов, содержащей опросы доноров спермы [Bay et al., 2014; Freeman et al., 2016], доноров ооцитов [Omani Samani et al., 2015; Yee, Blyth, Tsang, 2011], доноров эмбрионов [McMahon et al., 2003; Raz et al., 2016], к сожалению, авторам статьи удалось найти только несколько аналогичных массовых опросов об отношении населения к репродуктивному донорству. Прежде всего, это масштабное исследование интернационального коллектива авторов [Fauser et al., 2019], содержащее мнения более 6000 тысяч респондентов из шести европейских стран (Великобритания, Франция, Германия, Италия, Испания, Швеция) о ВРТ в целом и репродуктивном донорстве, в частности. Сравнивая результаты нашего исследования с результатами зарубежных коллег, необходимо отметить, что граждане Европы в целом немного лояльнее относятся к донорству спермы и ооцитов: 78 % респондентов поддержали использование донорских гамет; но среди всех стран, представители которых участвовали в исследовании, респонденты из Испании чаще всего поддерживали донорство гамет, а из Италии — реже (92 %—93 % против 61 %—63 %; $P < 0,001$ за оба). 75 % опрошенных граждан Швеции считают использование донорских яйцеклеток «приемлемым способом для супружеской пары, борющейся с бесплодием, чтобы завести ребенка» [Skoog-Svanberg et al., 2003]. В нашем случае 68 % опрошенных положительно относятся к этому виду репродуктивного донорства.

Мнение респондентов, что ведущие мотивы донорства — альтруизм и коммерческий интерес (55 % и 75 % соответственно), вполне согласуется с результатами

⁴ Вероятность нулевой гипотезы 0 %. Критерий Хи-квадрат = 57,0 при $df = 3$, коэфф. Крамера = 0,210. Связь между признаками слабая.

⁵ Вероятность нулевой гипотезы 0 %. Критерий Хи-квадрат = 37,0 при $df = 15$, коэфф. Крамера = 0,098. Связь между признаками слабая.

⁶ Вероятность нулевой гипотезы 0 %. Критерий Хи-квадрат = 57,1 при $df = 18$, коэфф. Крамера = 0,122. Связь между признаками слабая.

⁷ Вероятность нулевой гипотезы 0 %. Критерий Хи-квадрат = 51,4 при $df = 5$, коэфф. Крамера = 0,141. Связь между признаками слабая.

многих зарубежных исследований: доноры, вне зависимости от донорского материала, могут быть мотивированы как чисто альтруистически [Mohr, 2014; Gürtin, Ahuja, Golombok, 2012; Haimés, 2013; Paramés et al., 2014], так и прагматически, то есть рассчитывать на вознаграждение [Ernst et al., 2007; Paramés et al., 2014; Bakker et al., 2017; Klitzman, Sauer, 2014].

Многие доноры спермы удовлетворяют собственное желание продолжить свой род [Riggs, Russell, 2011; Jadva et al., 2011; Van den Broeck et al., 2013]. В нашем исследовании так считают 13% опрошенных.

В случае донорства яйцеклетки с точки зрения женщины как потенциального донора картина меняется. По данным нашего опроса, стремление помочь стать родителями — основная причина, по которой женщина могла бы решиться на донорство (62%): помощь близким, родственникам и друзьям (41%) или незнакомым людям (21%). Желание заработать, которое большинство опрошенных считают основной причиной для донорства, мотивировало бы участниц опроса только в 18% случаев, и даже их — только при острой нехватке средств. В зарубежных исследованиях также отмечается, что в принятии решения о донорстве ооцитов друзьями или членами семьи «личное отношение к реципиенту играет важнейшую роль при решении о донорстве» [Yee, Blyth, Tsang, 2011: 407], а доноры воспринимают донорство яйцеклетки как «средство помочь реципиентам забеременеть» [Blyth, Yee, Tsang, 2011: 1138]. Необходимо отметить, что для здоровья женщины возможны серьезные побочные эффекты и осложнения, такие как риск онкологических заболеваний [Ness et al., 2002; Burkman et al., 2003] и синдром гиперстимуляции яичников [Delvigne, Rozenberg, 2002]. «Финансовая прибыль сама по себе не компенсирует усилий, необходимых для прохождения процедуры донорства яйцеклетки» [Keney, McGowan, 2010: 463].

Эмбриональное донорство — самый сложный и неоднозначный среди видов репродуктивного донорства. Один из главных вопросов здесь — статус эмбриона. Большинство потенциальных доноров эмбрионов считают их живыми организмами, следуя логике «ооцит — эмбрион — зародыш — ребенок» [McMahon et al., 2000; Parry, 2006]. Точку зрения, что эмбрион — это человек, разделяют 52% опрошенных.

Многие доноры считают свои эмбрионы потомками и потому рассматривают донорство как передачу ребенка на усыновление [Goedeke, Daniels, Thorpe, 2016]. Тем не менее они все-таки различают донорство эмбрионов и усыновление, то есть «признают свою роль в создании ребенка, но осознают, что только вынашивание и совместное родительство приводят к „настоящему родительству“» [Millbank et al., 2016: 136]. В результате донорство эмбрионов воспринимается как «дарение», в котором доноры скорее «видят себя субъективно альтруистами» [Goedeke, Daniels, 2017: 1405]. Среди наших респондентов 27% передали бы свои эмбрионы в дар клинике для незнакомых людей.

Многие доноры хотели бы знать, какова дальнейшая судьба их эмбрионов и в каких условиях они растут [Skoog-Svanberg et al., 2016]. Некоторые хотели бы, чтобы их реципиентами были родственники или близкие знакомые [ibidem]. В нашем случае 22% опрошенных передали бы свои эмбрионы знакомым людям.

По нашим данным, большинство респондентов считают основным мотивом репродуктивного донорства коммерческий интерес, при этом свои возможные

эмбрионы продали бы за деньги только 16 % опрошенных. В этом смысле в интерпретации результатов особенно полезной нам представляется работа И. Гоффмана о нормах поддерживаемых и нормах выполняемых [Гоффман, 1963]. По словам автора, «как правило, члены одной социальной категории могут проповедовать жесткое подчинение некоему стандарту поведения, которое — по их мнению и по мнению окружающих — не распространяется на них самих. Например, бизнесмен будет ожидать женственного поведения от женщин и аскетического — от монахов, при этом он не будет считать, что эти стили поведения могут относиться и к нему. Различие здесь состоит в том, что в одном случае норма выполняется, а в другом просто поддерживается» [Гоффман, 1963: 5]. Это деление на выполнение и поддержание норм разных социальных категорий вполне может быть перенесено на универсальные нормы, которые поддерживают, и конкретные нормы, которые обладают обязующей силой для самого индивида. Применительно к изучаемому нами предмету исследование выявило несколько примечательных моментов. С одной стороны, большинство опрошенных считают, что основным мотивом репродуктивного донорства является коммерческая составляющая (75 %). В то же время, когда мы задаем вопрос женщинам фертильного возраста о причинах, по которым они могли бы стать донорами ооцитов, большинство из них (62 %) говорят о возможности помочь близким людям (41 %) и просто людям (21 %) стать родителями. Показателен также пример с донорством эмбрионов: 47 % опрошенных относятся отрицательно к продаже эмбрионов. Но в ситуации, когда близкие люди приобретают эмбрион для решения своих репродуктивных проблем, 58 % опрошенных полностью поддерживают такое решение. Таким образом, наблюдается разрыв между общими нормами отношения к донорству, поддерживаемыми абстрактно, и ситуациями личной вовлеченности в проблематику репродуктивного донорства. В последнем случае отношение респондентов к репродуктивному донорству становится вполне положительным.

В процессе исследования выяснилось, что мы задавали вопросы общего характера об отношении к репродуктивному донорству и вопросы, предполагающие ответы с точки зрения потенциального донора. Но, к сожалению, на пилотном этапе ни один из опрошенных не отметил возможную позицию реципиента, и мы совершенно упустили этот вопрос, очень важный для данного исследования, поскольку по данным сербских коллег [Bilinić et al., 2018] из 50 опрошенных женщин, страдающих бесплодием, только 2 (4 %) согласятся использовать сперму донора и только 8 (16 %) готовы на ЭКО с донорской яйцеклеткой. Аналогичное исследование, проведенное ранее в Турции [Baykal et al., 2008], показало, что из 368 женщин, обратившихся за лечением бесплодия, 23 % пациенток готовы принять донорские ооциты и только 3 % — донорскую сперму. Тем не менее необходимо учитывать, что эти исследования основаны на небольшой выборке и сфокусированы только на женщинах, имеющих проблемы с репродукцией, а мы имеем дело с выборкой из общей популяции.

Выводы

Исследование показало, что большинство опрошенных осведомлены о существовании репродуктивного донорства и относятся к нему положительно. Уровень

осведомленности, как и уровень положительного отношения, зависит от специфики репродуктивного материала. Наиболее известная и принимаемая респондентами технология — донорство спермы, наиболее спорная — эмбриональное донорство. Чем старше респондент, тем вероятнее он знает о существовании этой проблематики, а женщины в целом более погружены в нее, чем мужчины. Большинство респондентов утверждают, что сами не готовы стать донорами генетического материала, а главным мотивом тех, кто становится репродуктивным донором, считают финансовый интерес. При этом 73 % женщин в возрасте от 18 до 35 оценивают свое состояние здоровья как достаточно удовлетворительное для того, чтобы стать донорами ооцитов, и 62 % из них говорят о том, что если бы они стали донорами, то ведущим мотивом было бы желание помочь людям стать родителями.

Таким образом, мы можем сказать, что опрошенные ставят под сомнение репродуктивное донорство не по моральным причинам: многие не видят в нем смысла, так как не воспринимают эту проблему как актуальную. Полагаем, что в ситуации, когда близким или знакомым людям могут потребоваться сперма, ооциты или эмбрионы для зачатия, вероятность того, что человек станет донором, будет выше декларируемой.

Самым спорным вопросом донорства оказался вопрос продажи эмбрионов. Более половины опрошенных (52 %) считают эмбрион человеком, и 47 % относятся отрицательно к донорству эмбрионов. Восприятие статуса эмбриона коррелирует с полом, наличием семьи и религиозными взглядами. В то же время в ситуации, когда эмбрион для решения репродуктивных проблем приобретают близкие люди, его покупка за деньги уже воспринимается как вполне приемлемая. Мало того, отношение к приобретению эмбрионов близкими людьми не зависит от того, считает ли респондент, что эмбрион — это человек.

Очевидно, что вовлечение в родительский проект третьих лиц этически и психологически неоднозначно, однако сам факт существования репродуктивного донорства дает шанс людям с диагнозом «бесплодие» стать родителями.

В настоящее время Екатеринбург является одним из наиболее динамично развивающихся региональных центров. С одной стороны, он демонстрирует тренды, присущие столичным городам, а с другой — обладает явной региональной спецификой. Исходя из этого мы полагаем, что полученные данные могут отражать современное отношение к репродуктивному донорству населения крупных городов России.

Список литературы (References)

- Гoffман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. 1963. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (дата обращения: 23.04.2021).
- Goffman E. (1963) Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (accessed: 23.04.2021). (In Russ.)

Дадаева Т. М., Баранова В. В. Вспомогательные репродуктивные технологии в репродуктивном поведении городской молодежи (опыт пилотажного исследования) // Регионология. 2019. Т. 27. № 1. С. 138—155. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.138-155>.

Dadaeva T. M., Baranova V. V. (2019) Assisted Reproductive Technology and the Reproductive Behavior of Urban Youth (Experience of a Pilot Study). *Russian Journal of Regional Studies=Regionology*. Vol. 27. No. 1. P. 138—155. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.138-155>. (In Russ.)

Комогорцев А. Н., Ошибаева А. Е. Проблема донорства мужских половых клеток // Центральнo-Азиатский научно-практический журнал по общественному здравоохранению. 2015. Т. 14. № 3. С. 28—35. URL: <https://journal.ksph.edu.kz/2015/06/08/%d0%b2%d1%8b%d0%bf%d1%83%d1%81%d0%ba-14-%e2%84%963/> (дата обращения: 23.04.2021).

Komogortsev A. N., Oshibaeva A. E. (2015) The Problem of Donation of Male Germ Cells. *Journal of Central Asian Health Service Research*. Vol. 14. No. 3. P. 28—35. URL: <https://journal.ksph.edu.kz/2015/06/08/%d0%b2%d1%8b%d0%bf%d1%83%d1%81%d0%ba-14-%e2%84%963/> (accessed: 23.04.2021). (In Russ.)

Коржавина А. И., Чернышев А. В., Лебедев В. В., Чернышева М. Л. Отношение населения к этико-правовым проблемам новых репродуктивных технологий (результаты социологических исследований) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2010. Т. 15. № 5. С. 1524—1526. <http://journals.tsutmb.ru/go/1810-0198/2010/5/1524-1526/> (дата обращения: 23.04.2021).

Korzhevina A. I., Chernyshev A. V., Lebedev V. V., Chernysheva M. L. (2010) Public Attitudes to Ethical and Legal Issues of New Reproductive Technology (Results of Sociological Research). *Tambov University Reports. Series: Natural and Technical Sciences*. Vol. 15. No. 5. P. 1524—1526. <http://journals.tsutmb.ru/go/1810-0198/2010/5/1524-1526/> (accessed: 23.04.2021). (In Russ.)

Курило Л. Ф., Боркина П. А., Гришина Е. М., Ижевская В. Л., Остроумова Т. В., Савельева А. П., Сорокина Т. М., Черных В. Б., Шилейко Л. В., Ярославцева Е. И. Социологическое исследование, посвященное этико-правовым проблемам биомедицинских технологий // Проблемы репродукции. 2001. Т. 7. № 6. С. 22—26. Kurilo L. F., Borkina P. A., Grishina E. M., Izhevskaya V. L., Ostroumova T. V., Saveleva A. P., Sorokina T. M., Chernykh V. B., Shileiko L. V., Yaroslavtseva E. I. (2001) Sociological Research on the Ethical and Legal Problems of Biomedical Technologies. *Russian Journal of Human Reproduction*. Vol. 7. No. 6. P. 22—26.

Bakker M. R., Maas J., Bekker M. H., Bredenoord A. L., Fauser B. C., Bos A. M. (2017). Autonomy and Self-Esteem of Women Who Donate to an Oocyte Cryopreservation Bank in the Netherlands. *Reproductive BioMedicine Online*. Vol. 35. No. 2. P. 225—231. <https://doi.org/10.1016/j.rbmo.2017.05.002>.

Bay B., Larsen P. B., Kesmodel U. S., Ingerslev H. J. (2014) Danish Sperm Donors across Three Decades: Motivations and Attitudes. *Fertility and Sterility*. Vol. 101. No. 1. P. 252—257.e1. <https://doi.org/10.1016/j.fertnstert.2013.09.013>.

Baykal B., Korkmaz C., Ceyhan S. T., Goktolga U., Baser I. (2008). Opinions of Infertile Turkish Women on Gamete Donation and Gestational Surrogacy. *Fertility and Sterility*. Vol. 89. No. 4. P. 817—822. <https://doi.org/10.1016/j.fertnstert.2007.04.022>.

Beeson D., Darnovsky M., Lippman A. (2015). What's in a Name? Variations in Terminology of Third-Party Reproduction. *Reproductive BioMedicine Online*. Vol. 31. No. 6. P. 805—814. <https://doi.org/10.1016/j.rbmo.2015.09.004>.

Bilinović A., Zotović M., Škorić M., Kričković-Pele K. (2018) Attitudes of Infertile Women in Serbia Towards Third-Party Reproduction. *Teme*. Vol. XLII. No. 4. P. 1107—1122. <https://doi.org/10.22190/teme1804107b>.

Blyth E., Yee S., Tsang A. K. T. (2011) “They Were My Eggs; They Were Her Babies”: Known Oocyte Donors’ Conceptualizations of Their Reproductive Material. *Journal of Obstetrics and Gynaecology Canada*. Vol. 33. No. 11. P. 1134—1140. [https://doi.org/10.1016/s1701-2163\(16\)35081-2](https://doi.org/10.1016/s1701-2163(16)35081-2).

Boivin J., Bunting L., Collins J. A., Nygren K. G. (2007) International Estimates of Infertility Prevalence and Treatment-Seeking: Potential Need and Demand for Infertility Medical Care. *Human Reproduction*. Vol. 22. No. 10. P. 2800. <https://doi.org/10.1093/humrep/dem299>.

Burkman R. T., Tang M.-T.C., Malone K. E., Marchbanks P. A., McDonald J. A., Folger S. G. (2003) Infertility Drugs and the Risk of Breast Cancer: Findings From the National Institute of Child Health and Human Development Women’s Contraceptive and Reproductive Experiences Study. *Fertility and Sterility*. Vol. 79. No. 4. P. 844—851. [https://doi.org/10.1016/s0015-0282\(02\)04950-6](https://doi.org/10.1016/s0015-0282(02)04950-6).

Delvigne A., Rozenberg S. (2002) Epidemiology and Prevention of Ovarian Hyperstimulation Syndrome: (OHSS): A Review. *Human Reproduction Update*. Vol. 8. No. 6. P. 559—577. <https://doi.org/10.1093/humupd/8.6.559>.

Ernst E., Ingerslev H. J., Schou O., Stoltenberg M. (2007) Attitudes Among Sperm Donors in 1992 and 2002: A Danish Questionnaire Survey. *Acta Obstetrica et Gynecologica Scandinavica*. Vol. 86. No. 3. P. 327—333. <https://doi.org/10.1080/00016340601133913>.

Fausser B. C. J. M., Boivin J., Barri P. N., Tarlatzis B. C., Schmidt L., Levy-Toledano R. (2019) Beliefs, Attitudes and Funding of Assisted Reproductive Technology: Public Perception of Over 6,000 Respondents From 6 European Countries. *PLOS ONE. Public Perception of IVF in Europe*. Vol. 1. No. 1. P. e0211150. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0211150>.

Ferraretti A. P., Pennings G., Gianaroli L., Natali F., Magli M. C. (2010) Cross-Border Reproductive Care: A Phenomenon Expressing the Controversial Aspects of Reproductive Technologies. *Reproductive BioMedicine Online*. Vol. 20. No. 2. P. 261—266. <https://doi.org/10.1016/j.rbmo.2009.11.009>.

Forman-Rabinovici A., Sommer U. (2018) An Impediment to Gender Equality? Religion’s Influence on Development and Reproductive Policy. *World Development*. Vol. 105. P. 48—58. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.12.024>.

Freeman T., Jadva V., Tranfield E., Golombok S. (2016) Online Sperm Donation: A Survey of the Demographic Characteristics, Motivations, Preferences and Experiences of Sperm Donors on a Connection Website. *Human Reproduction*. Vol. 31. No. 9. P. 2082—2089. <https://doi.org/10.1093/humrep/dew166>.

Goedeke S., Daniels K. (2017) The Discourse of Gifting in Embryo Donation: The Understandings of Donors, Recipients, and Counselors. *Qualitative Health Research*. Vol. 27. No. 9. P. 1402—1411. <https://doi.org/10.1177/1049732316672646>.

Goedeke S., Daniels K., Thorpe M. (2016) Embryo Donation and Counselling for the Welfare of Donors, Recipients, Their Families and Children. *Human Reproduction*. Vol. 31. No. 2. P. 412—418. <https://doi.org/10.1093/humrep/dev304>.

Gürtin Z. B., Ahuja K. K., Golombok S., (2012) Egg-Share Donors' and Recipients' Knowledge, Motivations and Concerns: Clinical and Policy Implications. *Clinical Ethics*. Vol. 7. No. 4. P. 183—192. <https://doi.org/10.1258/ce.2012.012024>.

Haimes E. (2013) Juggling on a Rollercoaster? Gains, Loss and Uncertainties in IVF Patients' Accounts of Volunteering for a U.K. 'Egg Sharing for Research' Scheme. *Social Science in Medicine*. Vol. 86. P. 45—51. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2013.03.002>.

Hogan R. G., Wang A. Y., Li ZH., Hammarberg K., Johnson L., Mol B. W., Sullivan E. A. (2020) Having a Baby in Your 40s With Assisted Reproductive Technology: The Reproductive Dilemma of Autologous Versus Donor Oocytes. *Australian and New Zealand Journal of Obstetrics and Gynaecology*. Vol. 60. No. 5. P. 797—803. <https://doi.org/10.1111/ajo.13179>.

Inhorn M. C. (2020) Where Has the Quest for Conception Taken Us? Lessons From Anthropology and Sociology. *Reproductive Biomedicine & Society Online*. Vol. 10. P. 46—57. <https://doi.org/10.1016/j.rbms.2020.04.001>.

Jadva V., Freeman T., Kramer W., Golombok S. (2011) Sperm and Oocyte Donors' Experiences of Anonymous Donation and Subsequent Contact With Donor Offspring. *Human Reproduction*. Vol. 26. No. 3. P. 638—646. <https://doi.org/10.1093/humrep/deq364>.

Keney N. J., McGowan M. L. (2010) Looking Back: Egg Donors' Retrospective Evaluations of Their Motivations, Expectations, and Experiences During Their First Donation Cycle. *Fertility and Sterility*. Vol. 93. No. 2. P. 455—466. <https://doi.org/10.1016/j.fertnstert.2008.09.081>.

Klitzman R., Sauer M. V. (2014) Creating and Selling Embryos for "Donation": Ethical Challenges. *American Journal of Obstetric Gynecology*. Vol. 212. No. 2. P. 167—170. E1. <https://doi.org/10.1016/j.ajog.2014.10.1094>.

Lavoie K., Côté I., Montigny de F. (2018) Assisted Reproduction in the Digital Age: Stories of Canadian Sperm Donors Offering Their Gametes Online via Introduction Websites. *The Journal of Men's Studies*. Vol. 26. No. 2. P. 184—202. <https://doi.org/10.1177/1060826517737047>.

McMahon C.A., Gibson F.L., Cohen J., Leslie G. I., Tennant C. C., Saunders D. M. (2000) Mothers Conceiving Through in Vitro Fertilization: Siblings, Setbacks and Embryo Dilemmas after Five Years. *Reproductive Technologies*. Vol. 10. No. 3. P. 131—135.

McMahon C.A., Gibson F.L., Leslie G. I., Saunders D. M., Porter K. A., Tennant C. C. (2003) Embryo Donation for Medical Research: Attitudes and Concerns of Potential Donors. *Human Reproduction*. Vol. 18. No. 4. P. 871—877. <https://doi.org/10.1093/humrep/deg167>.

Mathieu S. (2020) Catholic Voice and Art: Revising the French Bioethics Law. *Reproductive Biomedicine & Society Online*. Vol. 11. P. 82—88. <https://doi.org/10.1016/j.rbms.2020.11.001>.

Merchant J. (2020) Inclusion, Exclusion: Comparative Public Policy (France/USA) In Access to Assisted Reproductive Technology. *Reproductive Biomedicine & Society Online*. Vol. 11. P. 18—23. <https://doi.org/10.1016/j.rbms.2020.09.004>.

Millbank J., Stuhmcke A., Karpin I. (2016) Embryo Donation and Understanding of Kinship: The Impact of Law and Policy. *Human Reproduction*. Vol. 32. No. 1. P. 133—138. <https://doi.org/10.1093/humrep/dew297>.

Mohr S. (2014) Beyond Motivation: On What It Means to Be a Sperm Donor in Denmark. *Anthropology & Medicine*. Vol. 21. No. 2. P. 162—173. <https://doi.org/10.1080/13648470.2014.914806>.

Ness R. B., Cramer D. W., Goodman M. T., Kjaer S. K., Mallin K., Mosgaard B. J., Purdie D. M., Risch H. A., Vergona R., Wu A. H. (2002) Infertility, Fertility Drugs, and Ovarian Cancer: A Pooled Analysis of Case-Control Studies. *American Journal of Epidemiology*. Vol. 155. No. 3. P. 217—224. <https://doi.org/10.1093/aje/155.3.217>.

Omani Samani R., Mounesan L., Ezabadi Z., Vesali S. (2015) Development of a questionnaire to measure attitude toward oocyte donation. *International Journal of Fertility and Sterility*. Vol. 9. No. 3. P. 387—392.

Parames S. F., Francisco L. S., Almada-Colucci J., Sato H., Ueno J. (2014) What Influences Oocyte Donation When There Is No Financial Compensation? / O que influencia doação de óvulos quando não há compensação financeira? *Reprodução & Climatério*. Vol. 29. No. 1. P. 8—12. <https://doi.org/10.1016/j.recli.2014.07.003>.

Parry S. (2006) (Re)constructing Embryos in Stem Cell Research: Exploring the Meaning of Embryos for People Involved in Fertility Treatments. *Social Science and Medicine*. Vol. 62. No. 10. P. 2349—2359. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.10.024>.

Pennings G., Mouzon de J., Shenfield F., Ferraretti A. P., Mardesic T., Ruiz A., Goossens V. (2014) Socio-Demographic and Fertility-Related Characteristics and Motivations of Oocyte Donors in Eleven European Countries. *Human Reproduction*. Vol. 29. No. 5. P. 1076—1089. <https://doi.org/10.1093/humrep/deu048>.

Raz A., Amer-Alshiek J., Goren-Margalit M., Jacobi G., Hochberg A., Amit A., Azem F., Amir H. (2016) Donation of Surplus Frozen Pre-Embryos to Research in Israel:

Underlying Motivations. *Israel Journal of Health Policy Research*. Vol. 5. No. 1. <https://doi.org/10.1186/s13584-016-0085-4>.

Richards M., Pennings G., Appleby J. (2012) Reproductive Donation Practice, Policy and Bioethics. Cambridge: Cambridge University Press.

Riggs D. W., Russell L. (2011) Characteristics of Men Willing to Act as Sperm Donors in the Context of Identity-Release Legislation. *Human Reproduction*. Vol. 26. No. 1. P. 266—272. <https://doi.org/10.1093/humrep/deq314>.

Skoog-Svanberg A., Lampic C., Bergh T., Lundkvist Ö. (2003) Public Opinion Regarding Oocyte Donation in Sweden. *Human Reproduction*. Vol. 18. No. 5. P. 1107—1114. <https://doi.org/10.1093/humrep/deg222>.

Skoog-Svanberg A., Sydsjö G., Bladh M., Lampic C. (2016) Attitudes About Donor Information Differ Greatly Between IVF Couples Using Their Own Gametes and Those Receiving or Donating Oocytes or Sperm. *Journal of Assisted Reproduction and Genetics*. Vol. 33. No. 6. P. 703—710. <https://doi.org/10.1007/s10815-016-0694-4>.

Van den Broeck U., Vandermeeren M., Vanderschueren D., Enzlin P., Demyttenaere K., D'Hooghe T. (2013) A Systematic Review of Sperm Donors: Demographic Characteristics, Attitudes, Motives and Experience of the Process of Sperm Donation. *Human Reproduction Update*. Vol. 19. No. 1. P. 37—51. <https://doi.org/10.1093/humupd/dms039>.

Yee S., Blyth E., Tsang A. K.T. (2011) Oocyte Donors' Experiences of Altruistic Known Donation: A Qualitative Study. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. Vol. 29. No. 4. P. 404—415. <https://doi.org/10.1080/02646838.2011.611938>.